

Когда Мастер уходит...

Тамара АКИНЬШИНА,
Владимир ЮРЧЕНКО (фото)

... Он встречает на входе. Смотрит с фото чуть иронично — один глаз прищурен, с губ вот-вот сорвётся какая-то ёмкая колкость, за которыми ему никогда не приходилось лезть в карман. В одном из последних интервью, отвечая на вопрос, Владимир Леонидович отрезал: «Поживём — увидим». И не пожил. А сколько ещё мгновений и видов могла запечатлеть его камера!

Владимир
Щекалов
посвятил
свою жизнь
фотографии >

На выставке
можно
увидеть
и пригоршню
натюрмортов
Владимира
Леонидовича <

Хотя и того, что он поймал в объектив, хватит на сотню выставок. Но открылась одна. И в ней Владимир Щекалов весь, как есть: настоящий на серых выборгских камнях, растворённый в холодной воде Финского залива и заблудившийся в парке Монрепо, развеянный в ярко-синем белгородском небе, одиноким деревом стоящий посреди бескрайнего поля и лежащий плотным утренним туманом над забытой богом тверской деревушкой...

Царствует на выставке Выборг: его утренние, дневные, вечерние виды, изъеденные временем и ветрами башни. 150 оттенков серого: небо, вода, камни... Суровая и скупая

северная красота, которую Владимир Щекалов так любил. И не устал снимать, из года в год возвращаясь в свои родные места. «Дураки, кто из одной жары едет в другую, ещё более жаркую», — говорил он про тех, кто проводит отпуск на морских курортах.

Выборгская серия долго не отпускает: часовая башня замка в разломе кирпичной стены, выхваченный из полумрака старый фонарь над дверью и сама дверь — деревянная, но ещё крепкая, несмотря на старческие морщины, разинутый рот арки с полосатым караульным домиком на мокром от дождя «языке» дорожки... А ещё парк Монрепо с его старыми елями и вековыми валунами в парше мха, с горбатым мостиком, отражение которого в воде будто дорисовывает внимательный глаз... И наконец, заснеженный остров в выборгском заливе и зубы камней в дымчатой воде, глотающие бесплодный берег — неожиданная красота и поэзия там, где её просто не может быть по определению. Но на фотографиях Щекалова она есть.

Как есть и бескрайнее пшеничное поле с пыльной просёлочной дорогой, крапивенские меловые горы, берёзовый мостик на реке Угрим и грозовое небо, готовое метать громы и молнии в одинокое дерево на холме. Это уже белгородские виды, которых Владимир Леонидович тоже наснимал на три жизни вперёд.

Ещё пригоршня вкусных натюрмортов: с краюхой хлеба, глиняной кринкой и таранью на верёвочке, и несколько «натюржизней»: заиндеветший на морозе татарник, брутмансия в каплях утренней росы, попла-

вок лотоса, вынырнувший из тверской реки и свадьба мотыльков. Всё это Щекалов снимал для души, сбегая в пейзажную фотографию от газетной работы, которой отдал несколько десятилетий жизни.

«Опять кокошники!» — ворчал он, когда редактор в очередной раз засылал его на съёмку какого-то культурно-массового мероприятия. А на месте, сделав несколько снимков, демонстративно убирал фотоаппарат в сумку, бормоча: «Газета — не трамвай, всех не посадишь!» И оказывался прав: его дежурные 2,5 кадра всегда да оказывались с изюминкой, украсившей первую полосу. Щекалов обладал необыкновенно острым фотографическим взглядом: на героя, сюжет, образ. Что неудивительно: снимать он начал ещё мальчишкой, учился у отца на подаренном им же фотоаппарате «Зоркий». И фотографировал буквально до последних дней: ходил, опираясь на палочку, но фотоаппарат из рук не выпускал.

— Фотография — это то, чем я занимаюсь всю жизнь, главное для меня, — сказал Владимир Леонидович корреспонденту в одном из последних своих интервью. За этим «главным» он готов был идти и ехать (и шёл, и ехал!) за тридевять земель. Это «главное» — десятки тысяч снимков — и осталось после него. На выставке, открывшейся 1 июля в белгородской галерее фотоискусства им. В. А. Савровина, представлена лишь малая часть творческого наследия одного из талантливейших белгородских фотохудожников.

Приходите посмотреть!

